

DOI: 10.15393/j9.art.2019.7022

УДК 821.161.1.09“18”

Елена Алексеевна Федорова

(Ярославль, Российская Федерация)

sole11@yandex.ru

Автор и герой в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Идиот» *

Аннотация. Структура романа Ф. М. Достоевского «Идиот» иерархична и христоцентрична. Авторские идеи о потребности веры, о соблюдении евангельских заповедей, о способности к самопожертвованию как пути к возрождению человека лежат в основе сюжета, композиции и системы образов романа. Мотив смирения реализуется в поступках и речи князя Мышкина. Учительная речь героя, содержащая исповедь и проповедь, несет авторские идеи отказа от смертной казни, единства веры естественной, деятельной и благодатной как сущности религиозного чувства, необходимости обращения русского общества к православию как объединяющему духовному началу. Подчеркивая то, что писатель разделяет эти идеи, он включает в речь героя автобиографические аллюзии. В словах Ипполита Терентьева и Лебедева утверждаются авторские мысли о христоцентризме как идее, связующей общество, о необходимости взаимного прощения и благодеяния. Отступление героев от евангельских заповедей, запрещающих страсть, гордость, тщеславие, ревность, зависть, ложь, сребролюбие, вызывает негативную авторскую модальность, которая выражается в иронии, сарказме, негодовании, насмешке.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, автор, читатель, герой, иерархия, Евангелие, религиозный дискурс, речевые жанры, исповедь, проповедь

Об авторе: Федорова Елена Алексеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики коммуникации, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14)

Дата поступления: 02.05.2019

Дата публикации: 09.09.2019

Для цитирования: Федорова Е. А. Автор и герой в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 3. — С. 186–206. DOI: 10.15393/j9.art.2019.7022

Актуальная в современной науке проблема выражения авторской активности в поэтике Ф. М. Достоевского вызвана в основном полемикой по поводу концепции М. М. Бахтина, утверждавшего равенство голосов автора и героев

[Бахтин, 1929, 1963], [Назирова], [Свительский], [Ветловская], [Miller], [Киносита], [Захаров, 2008], [Касаткина] и др.

Р. Г. Назирова обнаруживал авторское начало Достоевского в его полемических реминисценциях и парафразах произведений мировой литературы [Назирова: 159]. Особенное внимание он уделял авторской концепции личности, которая предполагает неисчерпаемость героя, поэтому писатель, по мнению исследователя, может совмещать противоположные точки зрения на героя [Назирова: 176]. В. А. Свительский видел художественное единство произведений Достоевского в «монологическом отношении художника к миру»: взаимосвязь между идеями героев задается в композиции, испытывается в сюжете и соотносится с авторской шкалой ценностей [Свительский, 1974: 185, 191]. Согласно концепции В. Е. Ветловской, роман Достоевского сродни философско-публицистическим ораторским жанрам, в которых авторская оценка имеет первостепенное значение. Идеи героев остаются или только частью системы воззрений автора, или опровергаются художественными средствами: Достоевский всегда устанавливает предел индивидуалистическому порыву или своеволию [Ветловская: 17, 402–408].

По мнению В. Н. Захарова, в романах Достоевского существует иерархия голосов автора и героев, в поэтике его произведений парадоксально сочетаются «два противоречивых принципа»: «принцип относительной самостоятельности и свободы героя» и «принцип художественной необходимости» [Захаров, 1983: 72]. Каждый из героев, считает исследователь, «способен “умное слово сказать”, это привилегия не только авторитетных и “умных”, но скомпрометированных и “глупых”. Всех их Достоевский наделяет своей пронизательностью; не скупясь, нередко отдает им и свои мысли» [Захаров, 1983: 67].

В настоящее время исследователи увлечены проблемой авторского дискурса в художественном тексте [Осадчая], [Ельницкая]. При этом перенос акцента на проблему взаимодействия автора и читателя, на специфику формы повествования приводит исследователей к диаметрально противоположному пониманию роли автора в тексте Достоевского. Если для А. Н. Кошечко «личность автора» — это «ментальная

точка отсчета, которая обеспечивает цельность и связность текста» [Кошечко: 80], то для А. Н. Безрукова автор становится «проекцией нарративного характера» [Безруков: 50]. Анализируя речь Мышкина о вере, Безруков утверждает, что «смысловое борение в гранях понятий веры и безверия, атеизма и религии не дает целостно закончить текстовый (смысловой) блок ни автору, ни читателю» [Безруков: 51]. В. И. Габдуллина определяет авторский дискурс как коммуникативную стратегию текста, адресованную читателю, которая воплощается в романе «Преступление и наказание» в речевой сфере как всеведущего автора, так и Раскольникова и других персонажей, а имплицитная форма воплощения авторского дискурса реализована в притчевой стратегии текста («притча о блудном сыне») [Габдуллина, 2010: 92].

На наш взгляд, текст Достоевского иерархически организован, в нем авторское и «чужое» слово обращено к евангельскому слову. Авторская позиция Достоевского выражается в сюжете, композиции, евангельских цитатах, маркированных словах, курсиве (см. об этом: [Зунделович], [Чирков], [Ветловская], [Захаров, 1979]).

Значение Евангелия в творчестве Ф. М. Достоевского исследовали Л. П. Гроссман [Гроссман], Н. М. Чирков [Чирков], Р. В. Плетнев [Плетнев], Г. Ф. Коган [Коган], И. А. Кириллова [Кириллова], Д. Григорьев [Григорьев] и др. Изданы описание и комментарии к Евангелию Достоевского¹ (см. об этом: [Текст Евангелия с пометами Достоевского], [Захаров, 2010а, 2010b]). Особое значение в произведениях Достоевского имеют символы христианского календаря [Захаров, 1994].

Главная евангельская заповедь для Достоевского — это христианская любовь, которая, как это формулирует Т. А. Тер-Гукасова, «есть религиозно-нравственная деятельная любовь человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любовь безусловная, постоянная, которая включает в себя любовь к ближнему, смирение, стремление к совершенству через осознание красоты и полноты жизни» [Тер-Гукасова: 5]. Почти в каждом произведении Достоевского после каторги (начиная с «Записок из Мертвого дома») есть аллюзии и цитаты к Нагорной проповеди, которая утверждает Заповеди

Блаженства, в частности любовь к ближнему, и которая звучит на православном богослужении. «Заповеди Блаженства наиболее четко и сжато излагают основы духовной жизни человека. На Литургии они поются в тот самый момент, когда Евангелие торжественно вносится в алтарь, чтобы провозгласить верующим Слово Божье. И Евангелие, и Церковь учат, что человек может войти в таинства Христа и Царства Божия только следуя учению Господа, выраженному в этих Заповедях» [Хопко].

О том, что «Записки из Мертвого дома» стали началом нового этапа в творчестве Достоевского, писали В. А. Туниманов [Туниманов] и В. Н. Захаров [Захаров, 1994]. В первой части «Записок из Мертвого дома» Горянчиков читает Алею, лезгину с «прекрасным, открытым, умным» и «добродушно наивным лицом», Заповеди Блаженства из Нового Завета и включает его в ценностное пространство любви к ближнему [Достоевский, 1997: 456–457]. Во второй части произведения повествователь сравнивает каторжан, которые для него представляют народ, с мытарем, который, благодаря своей покаянной и смиренной молитве, оказался духовно выше фарисея; со вдовой, которая вносила свою скудную лепту в храм, а также с «благоразумным разбойником», распятым на кресте рядом со Спасителем:

«Арестанты молились очень усердно и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ въ церковь свою нищенскую копѣйку на свѣчку или клалъ на церковный сборъ: “Тоже вѣдь и я человѣкъ”, можетъ быть думалъ онъ или чувствовалъ, подавая: — “передъ Богомъ-то всѣ равны...” Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: “...но яко разбойника мя прійми”, — почти всѣ повалились въ землю, звуча кандалами, кажется принявъ эти слова буквально на свой счетъ» [Достоевский, 1997: 616].

Цитата из молитвы святого Василия Великого («Последование ко Святому Причащению») о «благоразумном разбойнике» позволяет вернуть читателя к размышлениям о невозможности судить других людей и о том, какой духовный потенциал скрывается в сердцах каторжан. Обе евангельские цитаты звучат на богослужении — эта утверждающая речевая

стратегия характерна для жанра проповеди (см.: [Карасик]). Завершается произведение словами: «Свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых...» [Достоевский, 1997: 688].

В «Записках из Мертвого дома» Достоевский описывает две молитвы — иудея Исаю Фомича и черниговского старовера. Обрядовое поведение Исаю Фомича не вызывает сочувствия автора, поскольку рассказчик замечает: «...ему чрезвычайно приятно было поломаться передъ маіоромъ и порисоваться передъ нами» [Достоевский, 1997: 511]. Исай Фомич разъясняет свое поведение:

«Онъ немедленно объяснилъ мнѣ, что плачъ и рыданія означаютъ мысль о потерѣ Иерусалима и что законъ предписываетъ при этой мысли какъ можно сильнѣе рыдать и бить себя въ грудь. Но что въ минуту самыхъ сильныхъ рыданій онъ, Исай Фомичъ, *долженъ вдругъ*, какъ бы невзначай, вспомнить (это *вдругъ* тоже предписано закономъ), что есть пророчество о возвращеніи евреевъ въ Иерусалимъ. Тутъ онъ долженъ немедленно разразиться радостью, пѣснями, хохотомъ и проговаривать молитвы такъ, чтобы самимъ голосомъ выразить какъ можно болѣе счастья, а лицомъ какъ можно больше торжественности и благородства» [Достоевский, 1997: 511].

Совсем иначе, с большим сочувствием, рассказчик описывает молитву черниговского старовера:

«Онъ плакалъ и я слышалъ какъ онъ говорилъ по временамъ: “Господи, не оставь меня! Господи укрѣпи меня! Дѣтушки мои малыя, дѣтушки мои милыя, никогда-то намъ не свидаться!” Не могу рассказать какъ мнѣ стало грустно» [Достоевский, 1997: 431].

Молитва старовера напоминает молитву мытаря: «Боже! будь милостив ко мне грешнику» (Лк. 18:13). Эти две молитвы в произведении содержат аллюзию к Евангелию — к притче о молитве мытаря и фарисея (притчевый дискурс), которая имеет следующую дидактическую задачу: «...ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14).

Роман «Идиот», подобно «Запискам из Мертвого дома», обращает читателя к Евангелию. Н. Н. Соломина-Минихен называет роман учительным [Соломина-Минихен: 38]. Рукописные

пометы, сделанные Достоевским в разные периоды жизни, раскрывают евангельский подтекст этого произведения [Соломина-Минихен: 24]. Мари и Настасью Филипповну объединяет евангельский сюжет о блудной дочери. Первая героиня своей кротостью близка Мышкину, о чем свидетельствует евангельская ситуация гонения на обоих героев (см.: [Соломина-Минихен: 32, 43]). В размышлениях Мышкина о назначении и принятии своего креста есть аллюзия на сюжет Гефсиманского моления. Евангельская идея любви и радости Бога «на человека как отца на свое родное дитя» звучит в словах Мышкина, обращенных к Рогожину и реализуется в финале романа в утешении князем убийцы (см.: [Соломина-Минихен: 25–27]).

Из всех героев самым близким автору является князь Мышкин. Достоевский позволяет лишь однажды подчеркнуто дистанцироваться от Мышкина (в начале второй главы):

«Если-бы кто теперь взглянулъ на него изъ прежде знавшихъ его полгода назадъ въ Петербургѣ, въ его первый приѣздъ, то пожалуй бы и заключилъ, что онъ наружностью перемѣнился гораздо къ лучшему. Но врядъ ли это было такъ. Въ одной одеждѣ была полная перемѣна: все платье было другое, сшитое въ Москвѣ и хорошимъ портнымъ; но и въ платьѣ былъ недостатокъ: слишкомъ ужъ сшито было по модѣ (какъ и всегда шьютъ добросовѣстные, но не очень талантливые портные) и сверхъ того на человѣка нисколько этимъ не интересующагося, такъ что при внимательномъ взглядѣ на князя, слишкомъ большой охотникъ посмѣяться, можетъ быть, и нашель бы чему улыбнуться. Но мало ли отчего бываетъ смѣшно?» [Достоевский, 2009: 197].

В этом пассаже автор позволяет улыбнуться читателю, несколько снижая образ главного героя, но тут же полемизирует с теми, кто собирается над ним смеяться: «Но мало ли отчего бываетъ смѣшно?». Так, невнимание к своему внешнему виду не является для автора поводом для негативной оценки героя, но это описание провоцирует возникновение у читателя своего собственного впечатления о князе.

Исследователи обнаруживают в речи Мышкина традиции учительного слова, для которого характерна забота говорящего об интересах слушателей, боязнь поставить себя выше

их, а также одна из древнейших особенностей русского риторического идеала, связанная с этическими ценностями, — кротость, смирение, выражаемые в речи «нарочитым самоуничижением» (см.: [Ткаченко: 52–54]). Ю. Бёртнес выступил с критикой идеи Г. Федотова о «русском кенотизме», утверждая, что кенотический характер древнерусских святых близок протестантской традиции, поскольку освобождение от своей божественной формы существования является временным для Христа. По мнению исследователя, уничтожение людей в подражание Христу — это путь к их прославлению и преображению: «Русская кенотическая традиция — это продукт либерального богословия на Западе, которую Федотов перенес в область изучения древнерусской литературы» [Бёртнес: 65]. В. А. Котельников объяснил, почему мотив кенозиса придает художественному миру Достоевского христоцентрический характер: кенозис — это жертвенный отказ от собственного «я» как «свободная внутренняя интенция», это «бесконечное истощение Бога в человеческой природе, безущербное для божественного начала и спасительное для тварного» [Котельников: 195–196]. Ступенями кенотического движения исследователь назвал «бедность», «страдание», «жертву», «самоуничижение», «смирение», «благодатный идиотизм», «безумие», «косноязычие», «юродство» и пр. В образе князя Мышкина В. А. Котельников увидел черты «благодатного идиотизма», правда, по его мысли, кенотическое восхождение Мышкина не состоялось, поскольку он сорвался «в тварность» (см.: [Котельников: 198–200]). А. Е. Кунильский рассматривал кенозис как принцип умаления, снижения образа Мышкина в системе христианских значений романа «Идиот», отказываясь видеть, подобно Котельникову, в главном герое проявления страстности или эротизма и невротизма [Кунильский].

Преп. Иустин Попович отметил характерные для князя Мышкина евангельское смирение и ощущение вины за грехи окружающих и сделал вывод: «Это чувство всегреховности, эта покаянная грусть, это суровое самобичевание, это немилосердное самоосуждение, по мысли Достоевского, пронизывает душу русского народа, характеризуя русскую историю, выявляя то, что есть в народе православного» [Попович: 150].

В романе «Идиот» звучат три проповеди Мышкина: о смертной казни — это слово обращено к камердинеру и к Епанчиным, речь о вере, произнесенная перед Рогожиным, и слово о значении православия, адресованное высшему обществу. Учительная речь Мышкина включает в себя евангельские цитаты и автобиографические аллюзии. Начиная разговор с камердинером Епанчиных, Мышкин замечает: «...въ настоящее время мои обстоятельства не казисты» [Достоевский, 2009: 22]. Не соглашаясь с необходимостью смертной казни, Мышкин утверждает: «Сказано: “не убий”, такъ за то, что онъ убиль, и его убивать? Нѣтъ, это нельзя» [Достоевский, 2009: 25–26]. В данном случае реализуется разъясняющая стратегия религиозного дискурса. Перед следующим обращением к Евангелию герой Достоевского произносит слова, которые являются автобиографической аллюзией писателя:

«Можетъ-быть, и есть такой человекъ, которому прочли разговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: “ступай, тебя прощаютъ”. Вотъ такой человекъ, можетъ-быть, могъ бы рассказать» [Достоевский, 2009: 27].

А затем следуют слова:

«Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христось говорилъ. Нѣтъ, съ человекомъ такъ нельзя поступать!» [Достоевский, 2009: 27].

Н. Н. Соломина-Минихен подчеркивает, что Достоевский в «Дневнике писателя», в записных тетрадах и письмах размышлял о том, что заповедь любви к ближнему должна реализовываться на государственном уровне — в отмене смертной казни [Соломина-Минихен: 120–121].

Недосказанность и намеки в романах писателя выражают апофатический характер его религиозного мирозерцания. Каждый раз, когда герой Достоевского пытается определить сущность религиозного чувства, получается «не то» [Померанц]. В беседе с Рогожиным о вере Мышкин рассуждает об атеисте, который говорит «не про то». Кроме того, герой рассказывает Рогожину о крестьянине, который из-за часов убил своего приятеля, помолившись перед этим, а также о пьяном солдате, который пропил свой крест. Призыв Мышкина подождать осуждать «этого хриstopродавца» обращает Рогожина к Евангелию:

«Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1). Наконец, сущность религиозного чувства герой передает через сравнение этого чувства с отношением матери к ребенку: «...у Бога радость, всякій разъ, когда Онъ съ неба завидить, что грѣшникъ предъ нимъ отъ всего сердца на молитву становится» [Достоевский, 2009: 228].

Святитель Игнатий Брянчанинов, ссылаясь на св. Симеона Нового Богослова, излагает в своих трудах учение о трех верах — естественной, деятельной и благодатной: «...веру естественную, которою мы можем уверовать в Бога, должно отличать от веры деятельной, являющейся в душе от исполнения евангельских заповедей, и от веры живой, изливаемой в сердце Святым Духом. Уверовать в Бога и во Евангелие могут все; деятельную веру стяжают подвижники Христовы; живая вера есть дар Божий, достояние одних Святых Божиих» [Игнатий (Брянчанинов): 13–14].

В первом случае (об атеисте) Мышкин рассуждает об отсутствии естественной веры. По определению св. Игнатия Брянчанинова, атеист реализует свое желание не верить и доказывает это с помощью разума. Во втором случае (убийство приятеля из-за часов) показано отсутствие веры деятельной: верить — значит соблюдать библейские заповеди, среди которых есть заповедь «не убий». Наконец, третий случай (солдат пропил свой крест) — об отсутствии веры естественной, деятельной и благодатной. Эти три примера нужны автору для того, чтобы предупредить о том, что ожидает героев, которые сделают неверный выбор: история атеиста проецируется на историю Ипполита, за убийцей приятеля проступает Рогожин, который уже приготовил нож. В словах бабы с ребенком, встреченных князем после пьяного солдата, проступает притча о блудном сыне, несущая идею прощения при условии покаяния:

«...точно такъ, какъ бываетъ материна радость, когда она первую отъ своего младенца улыбку запримѣтитъ, такая же точно бываетъ и у Бога радость, всякій разъ, когда Онъ съ неба завидить, что грѣшникъ предъ нимъ отъ всего своего сердца на молитву становится» [Достоевский, 2009: 227–228].

Евангельские заповеди определяют поведение главного героя романа «Идиот». При встрече Мышкина с Рогожиным после покушения последнего на жизнь князя заповедь «не судите, да не судимы будете» реализуется в поведении героя: он кается перед Рогожиным, что терял в него веру, и разделяет с ним его вину. Дважды он защищает женщин (Варвару Иволгину и Настасью Филипповну), принимая удар на себя. Так реализуется евангельская заповедь: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:39).

Автор дает ключ к евангельскому осмыслению событий, происходящих в романе. Мышкин напоминает Аглае в беседе о Настасье Филипповне евангельское слово и обращается к собеседнице с призывом: «О, не позорьте ея, не бросайте камня» [Достоевский, 2009: 447]. Он почти цитирует слова Спасителя: «...кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8:7) [Соломина-Минихен: 51–52].

В речи к высшему обществу Мышкин дважды переходит от исповеди к проповеди. Сначала он называет себя идиотом: «...нельзя же было не потерять терпѣніе... съ такимъ идиотомъ, какимъ я тогда былъ» [Достоевский, 2009: 555], а затем утверждает авторскую мысль, что католицизм «искаженного Христа проповѣдуетъ» [Достоевский, 2009: 558] и «соціализмъ порожденіе католичества» [Достоевский, 2009: 559]. В этом месте своей проповеди Мышкин цитирует слова Спасителя о лжепророках: «По дѣламъ ихъ узнаете ихъ...» [Достоевский, 2009: 559]. В Евангелии от Матфея это звучит так: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7:16). Н. Н. Соломина-Минихен отмечает, что это аллюзия к Нагорной проповеди и к Книге пророка Иезекииля (см.: [Соломина-Минихен: 177]). Мышкин напоминает представителям высшего общества о словах Христа, обращенных к апостолам, используя призывную речевую стратегию проповеди: «Станемъ слугами, чтобъ быть старшинами» [Достоевский, 2009: 568]. Это также аллюзия к Евангелию от Матфея: «...так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20:28). Парадоксальность евангельского слова предваряется мыслью Мышкина,

за которой угадывается автор: «Чтобы достичь совершенства, надо прежде многого не понимать» [Достоевский, 2009: 568].

Кульминацией речи Мышкина, обращенной к высшему свету, становятся любимые идеи Достоевского о «почве», которая сможет объединить русское общество:

«Кто почвы подь собой не имѣеть, тотъ и Бога не имѣеть». Это не мое выраженіе. Это выраженіе одного купца изъ старообрядцевъ, съ которымъ я встрѣтился, когда ѣздилъ» [Достоевский, 2009: 561].

Возможно, здесь присутствует еще одна автобиографическая аллюзия, поскольку Е. Н. Опочинин вспоминал, что Достоевский показывал ему выписки из «Писем Святогорца» Сергея Веснина, которые ему передал знакомый старообрядец (см.: [Опочинин]). Кроме того, одним из праведников в автобиографических «Записках из Мертвого дома» является черниговский старовер.

В исповеди Ипполита Терентьева есть три пассажа, в которых вдруг проступают особенности авторского слова и даже автобиографические аллюзии Достоевского: речь идет о тайне смерти, о необходимости взаимного прощения и о важности милостыни и благодеяния. Рассказывая о своем тяжелом сне, Ипполит передает мистическое чувство, которое он испытал:

«...но въ эту минуту мнѣ показалось, что въ испугѣ Нормы было что-то какъ-будто очень необыкновенное, какъ будто то же почти мистическое, и что она, стало-быть, тоже предчувствуетъ, какъ и я, что въ звѣрѣ заключается что-то роковое и кака-то тайна» [Достоевский, 2009: 402].

Кроме того, именно Ипполит заставляет задуматься слушателей о том, что означает оборот «источники жизни» в Апокалипсисе (см.: [Достоевский, 2009: 383]).

Амбивалентно отношение автора к Лебедеву. При первом появлении его в романе автор сразу его дискредитирует:

«Эти господа всезнайки встрѣчаются иногда, даже довольно часто, въ извѣстномъ общественномъ слоѣ. Они все знаютъ, вся беспокойная пытливость ихъ ума и способности устремляются неудержимо въ одну сторону, конечно, за отсутствіемъ болѣе важныхъ жизненныхъ интересовъ и взглядовъ, какъ сказалъ

бы современный мыслитель. <...> многие из них этимъ знаніемъ, равняющимся цѣлой наукѣ, положительно утѣшены, достигаютъ самоуваженія и даже высшаго духовнаго довольства. Да и наука соблазнительная. Я видалъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, политическихъ дѣятелей, обрѣтавшихъ и обрѣтшихъ въ этой наукѣ свои высшія примиренія и цѣли, даже положительно только этимъ сдѣлавшихъ карьеру» [Достоевский, 2009: 10–11].

Авторская оценка соотносится с оценкой этих же героев князем Мышкиным, который также упрекает и обличает Лебедева: «Полноте служить двумъ господамъ» [Достоевский, 2009: 206]. Н. Н. Соломина-Минихен замечает, что эти слова являются аллюзией к Евангелию: «Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне (Лк. 16:13; Мф. 6:24)» [Соломина-Минихен: 56–57].

Но когда Мышкин узнает о том, как молится Лебедев (его молитва становится аллюзией к молитве евангельского мытаря), он меняет свое отношение к этому герою:

«Да вотъ Лебедевъ же задалъ ему сегодня задачу: ну ожидаль ли онъ такого Лебедева? Развѣ онъ зналъ такого Лебедева прежде? Лебедевъ и Дюбарри, — Господи!» [Достоевский, 2009: 236].

Двойственность Лебедева показана также через систему образов. Когда Мышкин блуждает по Петербургу в предчувствии готовящегося покушения на него Рогожина, он вспоминает двух героев из окружения Лебедева, которые становятся для него символами двух начал в душе русского человека:

«И какой же однако гадкій и вседозволенный прыщикъ этотъ давешній племянникъ Лебедева? А впрочемъ что же я? (продолжалось мечтаться князю) развѣ онъ убилъ эти существа, этихъ шесть человѣкъ? Я какъ будто смѣшиваю... какъ это странно! У меня голова что-то кружится... А какое симпатичное, какое милое лицо у старшей дочери Лебедева, вотъ у той, которая стояла съ ребенкомъ, какое невинное, какое почти дѣтское выраженіе и какой почти дѣтскій смѣхъ! Странно, что онъ почти забылъ это лицо и теперь только о немъ вспомнилъ. Лебедевъ, топающій на нихъ ногами, вѣроятно, ихъ всѣхъ обожаетъ. Но что всего

вѣрнѣ, какъ дважды два, это то, что Лебедевъ обожаетъ и своего племянника!» [Достоевский, 2009: 236].

Дочь Лебедева носит имя *Вера* неслучайно: именно она — с ребенком на руках — соотносится в авторском дискурсе с героиней из рассказа о вере Мышкина. Вера, исполненная материнской и христианской любовью, всегда поддерживает Мышкина. Лебедев в дальнейшем повествовании становится толкователем Откровения Иоанна Богослова. Автор передает ему свою мысль, которую разделяет и князь Мышкин, о том, что «законъ саморазрушенія и законъ самосохраненія одинаково сильны въ человѣчествѣ» [Достоевский, 2009: 386], и о христоцентризме как «связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли» [Достоевский, 2009: 390]. Лебедев завершает толкование Апокалипсиса проповедью:

«Покажите мнѣ связующую настоящее человѣчество мысль хоть въ половину такой силы какъ въ тѣхъ столѣтіяхъ. И осмѣльтесь сказать наконецъ, что не ослабѣли, не помутились источники жизни подъ этою “звездой”, подъ этою сѣтью, опутавшей людей. И не пугайте меня вашимъ благостояніемъ, вашими богатствами, рѣдкостью голода и быстротой путей сообщенія! Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; все размягчилось, все упрѣло и всѣ упрѣли!» [Достоевский, 2009: 391].

Негативное авторское отношение открыто проявляется к героям, вступившим в торги за Настасью Филипповну. Тоцкий, который выставляет свою воспитанницу на торги, не вызывает никакой авторской симпатии:

«...нужно было очень много ума и проникновенія, чтобы догадаться въ эту минуту, что она давно уже перестала дорожить собой, и чтобъ ему, скептику и свѣтскому цинику, повѣрить серьезности этого чувства...» [Достоевский, 2009: 48].

В авторском слове здесь звучат ирония и сарказм, которые переходят в речевой жанр обвинения. Интонация негодования проступает в авторском слове, посвященном Гане Иволгину:

«Самолюбивый и тщеславный до мнительности, до ипохондріи; искавшій во всѣ эти два мѣсяца хоть какой-нибудь точки, на которую могъ бы опереться приличнѣе и выставить себя

благороднѣе; чувствовавшій, что еще новичокъ на избранной дорогѣ и пожалуй не выдержитъ; съ отчаянія рѣшившійся наконецъ у себя дома, гдѣ былъ деспотомъ, на полную наглость...» [Достоевский, 2009: 113].

Авторская насмешка в более мягкой форме проявляется и по отношению к генералу Епанчину:

«...а генераль хоть и проницаль (не безъ туготы впрочемъ), но въ затруднительныхъ случаяхъ говорилъ только: *з.м!* и въ концѣ концовъ возлагалъ всѣ упованія на Лизавету Прокофьевну» [Достоевский, 2009: 336].

Рассказ о пребывании в мире страстей «положительно прекрасного» героя Мышкина, следующего христианским заповедям, должен убедить читателя в том, что спасение человека не в другом человеке, как это могло показаться в финале романа «Преступление и наказание», а в необходимости веры и соблюдении христианских заповедей. Каждый из героев оказывается во власти своего греха: Рогожин — страсти, Настасья Филипповна — гордости, тщеславия, Аглая — ревности, Ипполит — зависти, генерал Иволгин — лжи, Лебедев — сребролюбия. Г. К. Щенников видел в Мышкине тип подвижника-страстотерпца, христианина и идеолога, который до конца последовал евангельскому завету Христа, «положив свою душу за других» (Ин. 15:13). По мнению исследователя, причина гибели Мышкина — неверные духовные установки окружающих. Концептуальная целостность романа «Идиот» заключается в сложении двух полярных начал — как в реализации Мышкина, так и его героев-антагонистов [Щенников: 35].

Иерархичная структура романа «Идиот» христоцентрична. Евангельское слово проявляется на разных уровнях текста: идеи, проблематики, системы образов, мотивов и прецедентных текстов. Учительные речи Мышкина, включающие в себя исповедь и проповедь, содержат евангельские цитаты и аллюзии, а также авторские идеи: утверждение любви к ближнему (отказ от смертной казни), единство веры естественной, деятельной и благодатной как сущность религиозного чувства, необходимость обращения к православию как «почве», которая

объединит русское общество, и готовность к самопожертвованию. Чтобы подчеркнуть, что он разделяет эти идеи, писатель включает в речь героя автобиографические аллюзии. В исповеди Ипполита Терентьева и речи Лебедева также проступает евангельское слово и утверждаются авторские мысли о христоцентризме, о необходимости взаимного прощения, о важности милостыни и благодеяния. Однако отступление героев от евангельской заповеди любви к ближнему и проявление их грехов (страсти, гордости, тщеславия, ревности, зависти, лжи, сребролюбия) вызывают негативную авторскую модальность, которая раскрывается в слове повествователя о герое.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90036 («Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы»).

¹ Евангелие Достоевского: в 2 т. М.: Русский Миръ, 2010. Т. 1. 656 с.; см. также: Евангелие Достоевского: в 3 т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://deniskmc.beget.tech/library.html>

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. — Л.: Прибой, 1929. — 244 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Сов. писатель, 1963. — 363 с.
3. Безруков А. Н. Дискурс нарратора в условиях актантной модели повествования // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. — Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2015. — С. 47–54.
4. Бёртнес Ю. Русский кенотизм: к переоценке одного понятия // Проблемы исторической поэтики. — 1994. — Вып. 3. — С. 61–65 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2373> (25.04.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2373
5. Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». — Л.: Наука, 1977. — 200 с.
6. Габдулина В. И. Авторский дискурс Ф. М. Достоевского: проблема изучения. — Барнаул: АлтГПА, 2010. — 138 с.
7. Григорьев Д. Евангелие и Раскольников // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. — Вып. 7. — С. 296–301 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article>

- php?id=2669 (25.04.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2669
8. Гроссман Л. П. Путь Достоевского. — Л.: Брокгауз-Ефрон, 1924. — 238 с.
  9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. — Т. 3. — 912 с.
  10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. — Т. 8. — 848 с.
  11. Ельницкая Л. М. «Болтовня» как речевой дискурс у Пушкина и Достоевского // Литературоведческий журнал. — 2007. — № 21. — С. 126–136.
  12. Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. — 1979. — № 4. — С. 21–27.
  13. Захаров В. Н. Поэтические принципы изображения характеров у Достоевского // Русская литература 1870–1890 годов: проблема характера: межвуз. сб. / УрГУ; отв. ред. Г. К. Щенников. — Свердловск: УрГУ, 1983. — С. 64–72.
  14. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. / ПетрГУ; отв. ред. В. Н. Захаров. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. — С. 37–49.
  15. Захаров В. Н. Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме // Достоевский и мировая культура. Альманах № 24. — СПб.: Серебряный век, 2008. — С. 43–50.
  16. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского: в 2 т. / подгот., статьи и коммент. В. Н. Захарова, Б. Н. Тихомирова. — М.: Русский мир, 2010. — Т. 2.: Исследования. Материалы к комментарию. — С. 5–35.
  17. Захаров В. Н. Тобольск, 1850: обретение Книги // Евангелие Достоевского: в 2 т. — М.: Русский мир, 2010. — Т. 1: Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. — С. 643–646.
  18. Зунделович Я. О. Образ мира Достоевского в его социально-философском романе «Братья Карамазовы» // Романы Достоевского: статьи. — Ташкент: Средняя и высшая школа, 1963. — С. 184–240.
  19. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Творения: в 5 т. / общ. ред. О. И. Шафранова. — М.: Паломник, 2014. — Т. 3. — 560 с.
  20. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
  21. Касаткина Т. А. К вопросу о полифонии Бахтина и полифонии Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах № 24. — СПб.: Серебряный век, 2008. — С. 36–42.
  22. Киносита Т. Творчество Ф. М. Достоевского. Проблема авторской позиции: сб. ст. — СПб.: Серебряный век, 2017. — 160 с.
  23. Кириллова И. А. Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна // Достоевский в конце XX в.: сб. ст. / сост. К. А. Степанян. — М.: Классика плюс, 1996. — С. 48–60.
  24. Коган Г. Ф. Вечное и текущее (Евангелие и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 3. —

- М., 1994. — С. 27–42.
25. Котельников В. А. Кенозис как творческий мотив у Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1996. — Т. 13. — С. 194–200.
  26. Кошечко А. Н. Виктомологический дискурс в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского как опыт экзистенциональной рефлексии // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — № 8 (98). — С. 80–86.
  27. Кунильский А. Е. О христианском контексте в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. — Вып. 2. — С. 391–408 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3747 (24.04.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2532
  28. Назиров Р. Г. Автор и литературная традиция (о некоторых особенностях поэтики Достоевского) // Проблема автора в художественной литературе. — Ижевск, 1974. — Вып. 1 (5). — С. 159–176.
  29. Опочинин Е. Н. Беседы с Достоевским / предисл. и примеч. Ю. Верховского // Звенья. — М.; Л., 1936. — № 6. — С. 454–494.
  30. Осадчая М. Н. Аксиологические факторы когнитивного моделирования смыслового пространства художественного дискурса // Евразийский гуманитарный журнал. — 2017. — № 2. — С. 74–78.
  31. Плетнев Р. В. Достоевский и Евангелие // Русские эмигранты о Достоевском: сб. — СПб.: Андреев и сыновья, 1994. — С. 160–190.
  32. Померанц Г. Открытость бездне: встречи с Достоевским [Электронный ресурс]. — URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/pomeranc-otkrytost-bezдне/zametki-o-vnutrennem-stroe-romana.htm> (25.04.2019).
  33. Попович, Иустин, преп. Достоевский о Европе и славянстве / пер. с серб. Л. Н. Даниленко. — М.; СПб.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. — 286 с.
  34. Свительский В. А. Проблема единства художественного мира и авторское начало в романе Достоевского // Проблема автора в художественной литературе. — Ижевск, 1974. — Вып. 1. — С. 177–192.
  35. Соломина-Минихен Н. (монахиня Ксения). О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот». — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2016. — 232 с.
  36. Текст Евангелия с пометами Достоевского / рук. проекта, науч. ред., описание помет, подгот. текста В. Н. Захаров // Евангелие Достоевского [Электронный ресурс]. — URL: <http://dostoevskij.karelia.ru/Gospel/iii/text.htm> (25.04.2019).
  37. Тер-Гукасова Т. А. В мире Достоевского. — М.: Титул, 1994. — 56 с.
  38. Ткаченко О. Ю. Речь учительская и учительная у Достоевского // Русский язык в школе. — 2014. — № 2. — С. 50–54.
  39. Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854–1862 гг. — Л.: Наука, 1980. — 298 с.
  40. Хопко Ф., протопр. Основы православия [Электронный ресурс]. — URL:

https://azbyka.ru/otechnik/Foma_Hopko/osnovy-pravoslavija/3 (25.04.2019).

41. Чирков Н. М. Великий философский роман // О стиле Ф. М. Достоевского. — М.: Наука, 1967. — С. 78–114.
42. Щенников Г. К. Целостность Достоевского. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. — 440 с.
43. Miller Robin Feuer. Dostoevsky and “The Idiot”: Author, Narrator and Reader. — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1981. — 296 p.

Elena A. Fedorova

(Yaroslavl, Russian Federation)

sole11@yandex.ru

The Author and the Hero in the Poetics of F. M. Dostoevsky's Novel “The Idiot”

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-012-90036 Dostoevsky.

Abstract. The structure of F. M. Dostoevsky's novel “The Idiot” is hierarchical and Christ-centered. The author's ideas of the faith need, adherence to evangelical commandments, ability to self-sacrifice as a path to human revival are at the heart of the plot, composition and system of images of the novel. The motif of humility is implemented in the actions and discourses of Prince Myshkin. The teaching speech of the hero, containing confession and sermon, conveys the author's ideas of renunciation of the death penalty, unity of natural, active and blessing faith as the essence of a religious feeling, the need of the Russian society to address to Orthodoxy as a uniting spiritual bond. Emphasizing that the author shares these ideas, the writer includes autobiographical allusions in the hero's speech. The speeches of Ippolit Terentyev and Lebedev the author's thoughts about Christocentrism as a society-binding idea, about the need for mutual forgiveness and grace are manifested. The departure of heroes from evangelical commandments (forbidding passion, pride, vanity, jealousy, envy, lies, avarice) causes negative author's modality, which is expressed in irony, sarcasm, resentment, ridicule.

Keywords: F. M. Dostoevsky, author, reader, hero, hierarchy, the Gospel, religious discourse, speech genres, confession, sermon

About the author: Fedorova Elena A. — Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Communication, P. G. Demidov Yaroslavl State University (ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl, 150003, Russian Federation)

Received: May 2, 2019

Date of publication: September 9, 2019

For citation: Fedorova E. A. The Author and the Hero in the Poetry of F. M. Dostoevsky's Novel “Idiot”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 186–206. DOI: 10.15393/j9.art.2019.7022 (In Russ.)

References

1. Bakhtin M. M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [*The Problems of Dostoevsky's Works*]. Leningrad, Priboyt Publ., 1929. 244 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*The Problems of Dostoevsky's Poetics*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 363 p. (In Russ.)
3. Bezrukov A. N. A Narrator's Discourse in the Context of an Actantial Narrative Model. In: *Rodnaya slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve* [*Native Literature in the Modern Cultural and Educational Space*]. Tver, Tver State University Publ., 2015, pp. 47–54. (In Russ.)
4. Bortnes J. Russian Kenotizm: Reassessment of a Term. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1994, issue 3, pp. 61–65. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2373> (accessed on April 25, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2373 (In Russ.)
5. Vetlovskaya V. E. *Poetika romana «Brat'ya Karamazovy»* [*Poetics of the Novel "The Brothers Karamazov"*]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 200 p. (In Russ.)
6. Gabdullina V. I. *Avtorskiy diskurs F. M. Dostoevskogo: problema izucheniya* [*An Author's Discourse of F. M. Dostoevsky: the Problem of Studying*]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2010. 138 p. (In Russ.)
7. Grigoriev D. The Gospel and Raskolnikov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2005, issue 7, pp. 296–301. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2669> (accessed on April 25, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2669 (In Russ.)
8. Grossman L. P. *Put' Dostoevskogo* [*The Way of Dostoevsky*]. Leningrad, Brokgauz-Efron Publ., 1924. 238 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1997, vol. 3. 912 p. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2009, vol. 8. 848 p. (In Russ.)
11. El'nitskaya L. M. "An Idle Talk" as a Speech Discourse in Pushkin's and Dostoevsky's Writings. In: *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 2007, no. 21, pp. 126–136. (In Russ.)
12. Zakharov V. N. The Word and Italics in "Crime and Punishment". In: *Russkaya rech'*, 1979, no. 4, pp. 21–27. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. The Poetic Principles of the Image of Characters in Dostoevsky. In: *Russkaya literatura 1870–1890 godov: problema kharaktera* [*Russian Literature of 1870–1890: The Problem of Character*]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1983, pp. 64–72. (In Russ.)
14. Zakharov V. N. The Symbolism of Christian Calendar in Fedor Dostoevsky's Works. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [*New Aspects in the Study of Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994. — C. 37–49. (In Russ.)
15. Zakharov V. N. Dostoevsky and Bakhtin in the Modern Scientific Paradigm. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 24* [*Dostoevsky and World*

- Culture. Almanac no. 24*]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2008, pp. 43–50. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. Dostoevsky and the Gospel. In: *Evangelie Dostoevskogo: v 2 tomakh [The Gospel of Dostoevsky: in 2 Vols]*. Moscow, Russkiy mir Publ., 2010, vol. 2: Researches. Materials to the Comments, pp. 5–35. (In Russ.)
  17. Zakharov V. N. Tobolsk, 1850: Finding a Book. In: *Evangelie Dostoevskogo: v 2 tomakh [The Gospel of Dostoevsky: in 2 Vols]*. Moscow, Russkiy mir Publ., 2010, vol. 1: Personal Exemplar of the New Testament of the Edition of 1823, Given to F. M. Dostoevsky in Tobolsk in January 1850, pp. 643–646. (In Russ.)
  18. Zundelovich Ya. O. The Image of Dostoevsky's World in His Socio-philosophical Novel "The Brothers Karamazov". In: *Romany Dostoevskogo: stat'i [Dostoevsky's Novels: Articles]*. Tashkent, Srednyaya i vysshaya shkola Publ., 1963, pp. 184–240. (In Russ.)
  19. Ignatiy (Bryanchaninov), Saint. *Tvoreniya: v 5 tomakh [Works: in 5 Vols]*. Moscow, Palomnik Publ., 2014, vol. 3. 560 p. (In Russ.)
  20. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [A Linguistic Circle: Personality, Concept and Discourse]*. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (In Russ.)
  21. Kasatkina T. A. More on Question of Bakhtin's and Dostoevsky's Polyphony. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 24 [Dostoevsky and World Culture. Almanac no. 24]*. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2008, pp. 36–42. (In Russ.)
  22. Kinoshita T. *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo. Problema avtorskoy pozitsii: sbornik statey [Works of F. M. Dostoevsky. The Problem of the Author's Position: Collection of Articles]*. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2017. 160 p. (In Russ.)
  23. Kirillova I. A. The Notes of Dostoevsky in the Text of the Gospel of John. In: *Dostoevskiy v kontse XX v.: sbornik statey [Dostoevsky in the End of the 20th Century: Collection of Articles]*. Moscow, Klassika plyus Publ., 1996, pp. 48–60. (In Russ.)
  24. Kogan G. F. The Eternal and The Current (the Gospel and Its Significance in Life and Work of the Writer). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 3 [Dostoevsky and World Culture. Almanac no. 3]*. Moscow, 1994, pp. 27–42. (In Russ.)
  25. Kotelnikov V. A. Kenosis as a Creative Motif of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 194–200. (In Russ.)
  26. Koshechko A. N. A Victimological Discourse in "A Writer's Diary" by F. M. Dostoevsky as an Experience of Existential Reflection. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, 2010, no. 8 (98), pp. 80–86. (In Russ.)
  27. Kuni'skiy A. E. The Study of Christian Context in Fedor Dostoevsky's Novel the Idiot. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1998, issue 2, pp. 391–408. Available at: http://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3747 (accessed on April 25, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2532 (In Russ.)

28. Nazirov R. G. The Author and a Literary Tradition (on Some Features of the Poetics of Dostoevsky). In: *Problema avtora v khudozhestvennoy literature* [The Author's Problem in Fiction]. Izhevsk, 1974, issue 1 (5), pp. 159–176. (In Russ.)
29. Opochinin E. N. Conversations with Dostoevsky. In: *Zven'ya*. Moscow, Leningrad, 1936, no. 6, pp. C. 454–494 (In Russ.)
30. Osadchaya M. N. Axiological Aspects of Cognitive Modeling of Literary's Discourse Meaning Space. In: *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2017, no. 2, pp. 74–78. (In Russ.)
31. Pletnev R. V. Dostoevsky and the Gospel. In: *Russkie emigranty o Dostoevskom* [Russian Emigrants About Dostoevsky]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1994, pp. 160–190. (In Russ.)
32. Pomerants G. *Otkrytost' bezdne: vstrechi s Dostoevskim* [The Openness to an Abyss: Meetings with Dostoevsky]. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/pomeranc-otkrytost-bezdne/zametki-o-vnutrennem-stroe-romana.htm> (accessed on April 25, 2019). (In Russ.)
33. Popovich, Iustin, Reverend. *Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve* [Dostoevsky About Europe and Slavism]. Moscow, St. Petersburg, Sretenskiy monastyr' Publ., 2002. 286 p. (In Russ.)
34. Svitel'skiy V. A. The Problem of the Unity of the Artistic World and the Author's Spirit in the Novel of Dostoevsky. In: *Problema avtora v khudozhestvennoy literature* [The Problem of an Author in Fiction]. Izhevsk, 1974, issue 1, pp. 177–192. (In Russ.)
35. Solomina-Minikhen N. (Nun Ksenia). *O vliyaniy Evangelii na roman Dostoevskogo «Idiot»* [About the Influence of the Gospel on Dostoevsky's Novel "Idiot"]. St. Petersburg, Skifiya Publ., 2016. 232 p. (In Russ.)
36. The Text of the Gospel with the Notes of Dostoevsky in It. In: *Evangelie Dostoevskogo* [The Gospel of Dostoevsky]. Available at: <http://dostoevskij.karelia.ru/Gospel/iii/text.htm> (accessed on April 25, 2019). (In Russ.)
37. Ter-Gukasova T. A. *V mire Dostoevskogo* [In the World of Dostoevsky]. Moscow, Titul Publ., 1994. 56 p. (In Russ.)
38. Tkachenko O. Yu. The Teacher's and Teaching Discourse in Works of Dostoevsky. In: *Russkiy yazyk v shkole*, 2014, no. 2, pp. 50–54. (In Russ.)
39. Tunimanov V. A. *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1854–1862 gg.* [The Works of Dostoevsky. 1854–1862]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 298 p. (In Russ.)
40. Khopko F., Protospresbyter. *Osnovy pravoslaviya* [The Basics of Orthodoxy]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Foma_Hopko/osnovy-pravoslavija/3 (accessed on April 25, 2019). (In Russ.)
41. Chirkov N. M. A Great Philosophical Novel. In: *O stile F. M. Dostoevskogo* [On the Style of F. M. Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 78–114. (In Russ.)
42. Shchennikov G. K. *Tselostnost' Dostoevskogo* [The Wholeness of Dostoevsky]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2001. 440 p. (In Russ.)
43. Miller Robin Feuer. *Dostoevsky and "The Idiot": Author, Narrator and Reader*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1981. 296 p. (In English)